

Ч И Т А Й Т Е   Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы   П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й   И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы   Д А Н И Л О В О Й

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Савап для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зеркала
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний цветник
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облаго
Самый близкий демон
Первая жёпа Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от золотого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издеражки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Кoko Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар лупы
Черника на снегу
Деять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За снью — двери в ад
Тайная любовь Коннерфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Познакомка до востребования
Ангел в яблочном саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы
умереть

Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Плещница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и темнота нежно
Если можешь — прости
Убийство в соль минор

АННА ДАНИЛОВА

Она грезила о красивой жизни, и однажды
ее молитвы были услышаны

ПОЖИРАТЕЛИ
ТАЛАНТА

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Пожиратели таланта : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-92184-3

Вечернее платье, огненно-рыжие волосы и кровоподтеки на теле — такой поэта Любовь Горохову увидели полицейские, прибывшие на место преступления. Но разве та, что вмещала в сердце весь мир и умела каждое чувство назвать по имени, заслужила такую смерть? Стихотворные строки в этом расследовании окажутся зарифмованы с большими деньгами, но пока на свете есть люди, умеющие любить, боль поэта не останется неотмщенной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дубчак А.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-92184-3

1

— Ты садист, Сережа: вытащить меня так рано из теплой постели. Оторвать от мужа... Привезти в этот подвал только для того, чтобы что-то там показать... Куда мы едем?

— На Аткарскую.

Лиза, худенькая русоволосая молодая женщина, одетая в джинсы и свитер, сидя в машине, спросонья разговаривала с Мирошкиным, следователем прокуратуры, таким расслабленно-капризным тоном, который могла позволить себе исключительно в присутствии трех человек на всем белом свете — Глаши, своей помощницы, мужа Дмитрия Гурьева и верного друга и тоже помощника Сергея Мирошкина. Правда, с недавних пор в ее адвокатской конторе, которой она заправляла вот уже несколько лет, завоевав авторитет талантливого адвоката и «тайного» следователя, работал еще один человек, почти мальчишка, — Денис Васильев. Вот по отношению к нему она с самого начала взяла чуть ли не материнский тон, о чем потом пожалела: пусть он и мальчишка, ему всего-то двадцать восемь, но уж в сыновья-то он ей точно не годится. Она рядом с ним смотрится как его сестра или подружка. Может, когда-нибудь, когда она привыкнет к нему на-

столько, что будет воспринимать его как близкого человека, как Глафиру, например, возможно, она и расслабится в его присутствии, позволит себе просто его не замечать...

И вообще, при чем здесь Васильев, когда сейчас, ранним прохладным весенним утром, она спускается в подвал девятиэтажного дома, уже трагически «помеченного» присутствием черной прокурорской машины и обшарпанного микробуса экспертов, а из темного зияющего прямоугольника дверного проема несет сыростью и запахом смерти...

...Они спустились по бетонной, в три ступени, лестнице и оказались в узком коридоре, заваленном мусором. Слева кто-то, очень нагло-хозяйственный, лет десять-пятнадцать тому назад, если судить по состоянию прогнивших досок и отсутствию двери, отгородил для себя сарайчик, который сейчас был залит неприятным светом прожектора, высветившим, как на сцене, центральную фигуру недавней трагедии — привязанную к старому венскому стулу девушку. Мертвую, с кляпом во рту. Она была изуродована чьей-то жестокой и сильной рукой — сломан нос, разбиты губы, лицо раздулось, посинело и было залито кровью. Ярко-рыжие волосы локонами свисали на грудь и плечи. На девушке было пестрое зелено-оранжевое вязаное платье, порванное на груди. Кожа, видневшаяся сквозь изорванное, превращенное на груди в редкую сетку из толстых шерстяных ниток полотно, была белой, словно припудренной. Лиза подумала, что такой неверо-

ятной белизны кожа может быть лишь у натуральных шатенок и что этот красивый медно-красный цвет волос наверняка когда-то давно давал повод злым и жестоким сверстникам дразнить обладательницу этой роскошной гривы не иначе как «рыжая-рыжая, конопатая»... И не факт, что это она, рыжая, убила дедушку лопатой. Убили как раз ее. И Мирошкин позвал Лизу, чтобы она помогла ему разобраться с очередным делом.

— Кто ее нашел? — спросила она Сережу вполголоса, осторожно разглядывая мрачноватые фигуры приехавших сюда прокурора города и полицейских.

— Бомж, кто же еще может оказаться в такой дыре ночью... Он поссорился, как он говорит, с дружаном из соседнего подвала, тот избил его и выгнал, что-то они там не поделили. Вот этот гном...

Лиза только что заметила сидевшее прямо на цементном полу, в самом углу подвала, существо в серых обносах и тускло-красной шапке, надвинутой на самый лоб.

— Вот этот гном и спал рядом с ней... А когда проснулся — может, от запаха, — посветил спичками, увидел и — ходу... Во дворе он столкнулся с мужчиной, который выгуливал свою собаку, и сказал, что в подвале труп. Тот быстро среагировал, позвонил... Вот и все, собственно.

— Понятно. Кто она?

— Ни сумки, ни документов... Личность пока не установлена.

— А от меня ты чего хочешь?

— Лиза! — выдохнул ей Мирошкин прямо в ухо. — Мне кажется, что это дело как раз для твоей Глафиры. Она обожает такие истории. Таинственная незнакомка и все такое... Личная бурная жизнь, ревность... Кажется, она собирается записывать все ваши дела? Так сказать, мемуары, ну, как Ватсон...

— Мирошкин, замолчи. Ничего такого она записывать не собирается. Все это твои выдумки...

— Она сама со мной своими планами делилась.

— И вообще, что это ты так развеселился?

— Я? Нет, просто это нервное. Как ты думаешь, за что ее так?

Между тем тело уже отвязали от стула. Пришли санитары и уложили его на носилки. Лиза не сводила глаз с золотых кудрей девушки. Успела отметить про себя, что при жизни она была невысокого роста, с круглым полным лицом и маленьким курносом носом. Что-то знакомое проступило на фоне всего этого зрительного кошмара.

— Хорошо. Тогда скажи мне, почему ты привез сюда не Глашу, а меня? — заныла она на ухо Мирошкину.

— Потому что она без твоего ведома и шагу не ступит.

— Знаешь, Сережа, по-моему, ты действительно прав и дело обещает быть интересным. Вот только мы с Гурьевым собрались в отпуск. На острова. Подалее от всех этих трупов и разборок...

— Ну, тогда извини... — Неожиданно Мирошкин отстранился от нее и с деловым видом подошел к эксперту. Лиза видела, как он шепотом переговаривается с ним.

Обиделся. Как пить дать обиделся. И он прав. Сколько раз они расследовали дела параллельно, и всегда все, что касалось официальной стороны работы (в особенности экспертизы или оперативных данных), ей поставлял верный друг Сережа Мирошкин. И вот теперь, когда он, вероятно, почувствовал, что дело, которое ему поручили, обещает быть сложным и, быть может, даже громким, потому что журналисты уже к утру пронюхают про золотоволосую мученицу, он обратился за помощью к Лизе — а она отказывает ему...

Когда он вернулся к ней, она со вздохом произнесла:

— А что, если удастся быстро установить личность жертвы и ты сам вычислишь убийцу?

— Острова от тебя не уплывут, — пожал плечами Сережа. — Так как?

— Пришли мне на почту снимки, потом подождем результатов экспертизы.

— Послушай, они сейчас уедут. Уверен, что здесь, в подвале, останется что-то, на что они не обратили внимания. Ты знаешь, о чем я.

— Хорошо. Я подожду на улице, позвоню Глаше и попрошу ее приехать сюда. Мы попробуем что-нибудь найти. Жаль, конечно, что нет личных вещей...

— А тебе ее лицо не кажется знакомым?

— Кажется. Но, когда я думаю о ней, представляется почему-то кухня, какие-то большие кастрюли...

— Может, она работала в «Ностальжи», в ресторане, где обитает бывший Глашин муж, бармен Адам?

— Не знаю... Я попытаюсь вспомнить. Ты же знаешь, у меня неплохая память на лица. Ну, теперь все? Я могу выбраться из этого подвала?

— Я помогу тебе. Вот только с шефом поговорю. Он и так бросает на меня страшные взгляды. Он же знает тебя, и Гурьева твоего тоже.

— Думаешь, ревнует? Ему не нравится, что мы с тобой нередко работаем вместе?

— Нравится не нравится, но ему ли не знать, что наша раскрываемость без твоей помощи выражалась бы совершенно другими цифрами!

— Вот именно! — улыбнулась Лиза. — А то, что благодаря нашим совместным усилиям многие дела разваливались прямо на его глазах, так это, извини меня... Нечего шить тюремные штаны для невиновных. Но все равно, подойди к нему, послушай, как он начнет произносить свои умные наставления и отдавать приказы... Господи, как же хорошо, что я сама себе хозяйка! Никогда не смогла бы работать под руководством таких вот серьезных дядек, честное слово.

Мирошкин подошел к прокурору. Лиза краем уха слышала их разговор. Разыскать убийцу... в кратчайшие сроки... журналисты уже на хвосте... начальство... раскрываемость... тщательно проработать... экспертиза...

Лиза не стала ждать окончания этого пустого разговора, поднялась наверх, вдохнула свежего воздуха и огляделась.

Унылый двор обычной девятиэтажки в самом центре города. Девушке предварительно засунули кляп в рот, чтобы она не кричала. Но какие-то

звуки она все равно же издавала. Мычала, стонала, хрипела. И никто ее не услышал. Никто. Все жители этого дома в тот час, когда ее мучили, убивали, занимались своими повседневными делами: ужинали, пылесосили, смотрели телевизор, разговаривали, слушали музыку, болтали по телефону...

Лиза позвонила Глафире:

— Глаша, привет. Извини, что так рано разбудила. Меня Мирошкин привез на место преступления...

Глафира, не так давно кардинально изменившая свою личную жизнь, выйдя замуж за Дмитрия Родионова, крупного бизнесмена, отца двоих сыновей, но продолжавшая работать вместе с Лизой в адвокатском бюро, внимательно выслушала Лизу.

— Будем работать? — спросила она, и по ее тону Лиза поняла, что Глаша заинтересовалась этим убийством.

— Да я и сама не знаю. Представляешь, в кои-то веки собрались с Димой отдохнуть, а тут вдруг и у него какое-то очень важное дело образовалось, он мне вчера вечером сказал, и теперь вот Серега просит меня помочь. Знаешь, у него нюх на такие, казалось бы, безнадежные дела. Словно чувствует он, что в одиночку не потянет. Ты знаешь, я всегда рада ему помочь, тем более что и он нам оказывает прямо-таки неоценимые услуги. Но когда-то ведь надо и отдохнуть! Словом, накрылся мой отдых, Глашенька. А у тебя-то как дома? Все нормально?

Глаша в двух словах рассказала о том, что сейчас в их доме гостит двоюродная сестра мужа, Надя, бездетная, одинокая и очень славная женщина, которая с радостью присмотрит за детьми, покормит

их, отвезет в школу и в детский сад. Что она, возможно, некоторое время поживет вместе с ними, осмотрится, может, подыщет себе работу, а если нет, то останется у них вместо няни.

— Главное, — сказала напоследок Глафира, — чтобы ей у нас понравилось, чтобы она не заскучала. А так, характер у нее прекрасный, она уживчивая, спокойная, доброжелательная. Если все сложится, я смогу спокойно работать, понимаешь?

— Понимаю, Глаша, я все понимаю. Сейчас официальная часть в подвале закончится, все разъедутся, и вот тогда мы поработаем, попробуем отыскать, как бы это помягче выразиться, незамеченные «профессионалами» улики...

Вылезли на свет божий из подвала, отряхиваясь и жмурясь от бледного утреннего солнца, и прокурор с Мирошкиным. Сергей подошел к Лизе. У него был вид человека, которого только что незаслуженно оскорбили.

— Ну что там еще? Что Герман говорит?

Герман Туров, судмедэксперт и друг Мирошкина, в это утро выглядел лишь чуть лучше жертвы, которую осматривал.

— Махмурлук?

— Махмурлук, — ответил Мирошкин.

Лиза рассмеялась. Это смешное слово она увидела из Интернета, в переводе с турецкого оно означало глубокое похмелье.

— Только бы он не запил, как известный Чайкин... — вздохнула Лиза, имея в виду талантливейшего Геру Турова.

— Он осмотрел ее, изнасилования не было, это точно. Ее просто избивали. Но не просто для того, чтобы убить, а именно, чтобы причинить боль. Возможно, этот мерзавец и не предполагал, что она не выдержит побоев. То есть если бы он хотел ее убить, то сделал бы это как-то иначе.

— Пытался, вероятно, что-то у нее узнать?

— Возможно. Но это и не садист, точно... Скорее всего, какой-то пьяный идиот, который от нее чего-то хотел. Вот где-то я ее уже видел, честное слово! Но если у тебя она ассоциируется с кастрюлями, то у меня — с мороженым.

— Что нашли?

— Следы обуви на полу. Но ты сама видела, какой там пол — труха какая-то, грязь... Там мог ходить кто угодно. Рядом со стулом тоже полно следов. Но там же этот гном ночью топтался, пока не угомонился и не пристроился в углу на каких-то картонках. Ни пуговиц тебе, ни окурков. Разве что отпечатки пальцев на стуле.

— Посмотрим. Знаешь, у меня есть предложение. Пока Глафира сюда доберется, мы могли бы, к примеру, попросить полицейского покараулить подвал, а сами бы в это время сходили куда-нибудь выпить по чашке кофе, а? Ты как?

2

То, что она затеяла, ей и самой казалось бредом, чем-то ненормальным, патологическим. Но, с другой стороны, существовали знаки судьбы, которые словно подсказывали ей, что надо делать, как себя вести. Как если бы на великой чаше весов спра-

ведливости стрелка качнулась в сторону счастья и покоя.

Слишком уж много ей пришлось пережить за всю свою не такую уж и длинную жизнь. Тридцать пять лет — не такой возраст, чтобы замуровывать себя на работе или дома. Надо жить, наслаждаться всем тем, что прежде было ей недоступно по разным причинам.

Что-то произошло в ее сознании, не сломалось, а словно бы наоборот: в душе расцвел пышный розовый куст. Он сладко благоухал и предлагал ей оглядеться по сторонам и увидеть мир другими глазами. Все вокруг — и весенний ветер с запахом утреннего дождя и пробуждающейся листвы, и чистые бледно-голубые облака, которые она рассматривала теперь с каким-то особым чувством, словно причащаясь к самой Вселенной, — шептало ей о любви, толкало в спину: мол, иди, распахни свое сердце тому, кого ты любишь, и никого не бойся! И когда же, как не теперь, воспользоваться сложившимися обстоятельствами и тем состоянием души, чтобы соединиться с мужчиной, который вот уже несколько лет снится тебе, который лишь во сне целует твои холодные, ставшие почти бесчувственными губы, обнимает тебя за талию и привлекает к себе, чтобы утопить тебя в своей нежности...

...Валентина очнулась.

Она сидела в ресторане «Кабанья голова»,ковыряла вилкой какой-то сложный салат из перепелов с черешней и смотрела на пылавший в камине огонь.

Припозднившаяся весна еще не принесла тепла, и по вечерам было прохладно. Поэтому в каминном зале ресторана, словно по зимней, уютной привычке растопили камин, и теплые блики огня сверкали на хрустальном графине, фужерах с вином. Оранжевые огненные фигуры танцевали и на стенах, украшенных охотничьими ружьями, старинными пистолетами, чудовищно страшными, выполненными доморощенными таксидермистами чучелами животных и птиц. Было и тепло, и холодно одновременно. Почему-то стыла спина, как если бы за ней, зацепившись за зародыши крыльев, тянулись заледеневшие кадры из ее прошлой невеселой жизни, полной стыда, унижений и одиночества.

И, хотя оглядываться не хотелось, она всегда помнила о том, что ее прошлое — это такая же часть жизни, как и та, что привела ее в этот дорогой ресторан, в теплых декорациях которого она собиралась разобраться со своим счастьем. И прошлое свое она должна любить, потому что это — пусть и умершие, но ее чувства, ее мысли и надежды.

Казалось, не так давно она подобрала с улицы красивого парня с красивым именем Максим. В нем все было максимально прекрасно. И непонятно было, почему же его выгнала жена.

Он стоял на обочине дороги, в самом центре города, одетый не по погоде (была осень, лил холодный дождь) в джинсы и тенниску, и пытался поймать машину. Валя, возвращавшаяся в это время с работы, притормозила, пожалела парня да и привезла к себе. В душу не лезла, отпаи-